

Владимир Кошечкин

Ковчег. Книга первая. Алиса

Ковчег.

Владимир Кошечкин

Ковчег. Книга первая. Алиса

«Автор»

2026

Кошечкин В.

Ковчег. Книга первая. Алиса / В. Кошечкин — «Автор»,
2026 — (Ковчег.)

Мир погиб не в огне. Он умер в тишине, когда люди перестали быть людьми. Пепел супервулкана укрыл небо, а мутировавший вирус выжег из выживших всё человеческое. Посреди ледяной пустыни затерялся «Кедровый лог» — крохотный островок жизни, где Седой, бывший военный Константин, собрал горстку женщин и мужчин, чтобы просто оставаться людьми. Их мир — частокол из заострённых брёвен, запах похлёбки и тихий смех у костра. Но за стенами рыщут «потерянные» — те, в ком не осталось ничего, кроме ярости, — и мародёры из банды «Чёрный пёс», для которых чужая боль стала забавой. Когда на пороге лагеря появляется рыжеволосая охотница Алиса — дерзкая, опасная и неукротимая, как лесной пожар, — привычный уклад трещит по швам. Она приносит не только весть о надвигающейся армии безжалостного Хозяина, но и то, что Константин давно похоронил в себе, — любовь. Теперь им предстоит превратить горстку перепуганных беженцев в единую силу и принять бой, в котором на кону стоит всё.

© Кошечкин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел и тишина	5
Глава 2. Тропа на юг	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Кошечкин

Ковчег. Книга первая. Алиса

Глава 1. Пепел и тишина

«Мир не погиб в огне. Он умер в тишине, когда люди перестали быть людьми».

Константин втянул носом сырой, пахнувший прелой листвой и далёким дымом воздух. Лес, ещё недавно казавшийся мёртвым, жил своей тайной жизнью. Где-то хрустнула ветка — неосторожный зверь или один из «потерянных»? Он замер, вслушиваясь. Тишина. Только ветер шелестит в кронах вековых елей.

Он поправил ремень автомата, самодельного, собранного из деталей, найденных в десятках мёртвых городов. Оружие было тяжёлым, но это была единственная гарантия завтрашнего дня. За спиной висел потёртый рюкзак, набитый консервами — добыча из вылазки в заброшенный посёлок на востоке. Еда. Жизнь.

Константин оглянулся на тропу, по которой пришёл. Следы он замёл, как учила жизнь в новом мире — древнее искусство выживания стало единственным законом. Он был охотником, добытчиком и защитником. Для них. Для тех, кто ждал его в лагере.

Лагерь «Кедровый лог» был их маленьким миром, островком тепла в океане хаоса. Несколько добротных срубов, скрытых в густом ельнике, дымок из трубы общего дома, запах варёной похлёбки. Женщины встретили его у кромки леса. Их лица, усталые, но живые, светлели при виде его фигуры.

— Костя! — первой к нему бросилась Марина, высокая блондинка с вечно встревоженным взглядом. Она обняла его крепко, по-сестрински.

— Вернулся... Слава богу.

— Вернулся и с добычей, — улыбнулся он, снимая рюкзак. — Будет пир.

Вокруг тут же собрались остальные. Вера — тихая и хозяйственная, всегда готовая подлатать одежду или приготовить ужин. Юлия — совсем юная, смотрела на Константина с почти дочерней преданностью. И другие. Десять женщин и четверо мужчин, включая его самого. Маленькая община, где роли были распределены жёстко и справедливо: мужчины — щит и меч, женщины — душа и очаг.

Вечер прошёл в привычном ритме: делёж припасов, рассказы у костра (без лишних подробностей о вылазках), тихий смех. Константин сидел чуть в стороне, наблюдая за огнём. Он любил эти моменты покоя, но в груди всегда сидел холодный ком тревоги.

Снаружи был не просто лес. Там бродили «потерянные». Бывшие люди, которых коснулась та самая болезнь. Она не убивала сразу. Она выжигала в них всё человеческое: эмпатию, разум, совесть. Осталась только слепая ярость и жажда разрушения. Они не ели ради еды — они убивали ради убийства.

А ещё были они. Банда «Чёрного пса». Не больные, а вполне здоровые твари в человеческом обличье. Мародёры и садисты, которые собирали дань с мелких поселений или просто уничтожали их ради забавы. Константин знал: это лишь вопрос времени, когда их путь пересечётся с дорогой «Чёрного пса».

Он проснулся от крика.

Не от привычного ночного шороха или воя зверя. Это был крик человека — полный ужаса и боли. Константин вскочил, схватив автомат. В доме царил паника.

— Что?! Что случилось?! — его голос перекрыл шум.

Вера, белая как полотно, указывала дрожащей рукой в сторону соседнего лагеря — маленького поселения в пяти километрах к северу.

— Там... Там пожар! Мы видели зарево!

Константин почувствовал ледяной холод в животе. Зарево было зловещим, багровым.

— Собирайтесь! — скомандовал он мужчинам. — Быстро! Оружие, аптечки!

Женщины испуганно жались к стенам.

— Оставайтесь здесь! Заприте двери! Никому не открывать! Мы скоро вернёмся!

Они бежали через лес налегке, ориентируясь на дымный столб. Запах гари становился всё сильнее, смешиваясь с чем-то металлическим... запахом крови.

То, что они увидели на поляне, где раньше стоял лагерь соседей, заставило Константина стиснуть зубы до хруста.

Пепелище. Догорающие остовы домов. И тела.

Мужчины были убиты быстро — видимо, пытались защитить вход. А вот женщины... Картина была настолько чудовищной в своей бессмысленной жестокости, что даже выдавший виды Константин на мгновение ослеп от ярости.

Это была работа «Чёрного пса». Их почерк.

Он опустился на колени рядом с телом молодой девушки из того лагеря. Её глаза были широко открыты и пусты.

— Сволочи... — прошептал он, чувствуя, как внутри разгорается огонь куда более страшный, чем тот, что пожирал дома.

Они вернулись в свой лагерь на рассвете — молчаливые и почерневшие от горя и гнева. Новость разлетелась мгновенно. Страх стал осязаемым.

Вечером у костра Константин говорил тихо, но каждое слово падало камнем: — Они придут и сюда. Это не вопрос «если», это вопрос «когда». Мы больше не можем прятаться и надеяться на чудо. Мы должны стать крепостью.

Он говорил о частоколе из заострённых брёвен вокруг лагеря. О смотровых вышках на высоких деревьях. О ловушках в лесу — волчьих ямах с кольями и натянутых проволоках.

Женщины слушали молча. В их глазах больше не было страха перед неизвестностью. В них был страх перед вполне реальным врагом.

— Мы научимся стрелять, — твёрдо сказал Константин, глядя на Марину и Веру. — Каждая из вас должна уметь защитить себя. Я научу вас всему, что знаю сам.

Вера кивнула первой: — Мы будем учиться.

Это была их новая реальность. Не просто выживание в диком мире, а подготовка к войне за право оставаться людьми.

Когда мужчины вернулись, лагерь замер в тягостном молчании. Никто не спрашивал, что они видели. По их лицам, серым от усталости и копоти, всё было понятно без слов. Женщины не плакали — слёзы давно кончились, оставив после себя лишь сухую, саднящую боль в груди. Они просто подходили и молча обнимали своих мужчин, вдыхая родной запах дыма и пота, словно пытаясь убедиться, что те — настоящие, живые.

Константин сбросил рюкзак у крыльца общего дома и почувствовал, как на плечи навалилась свинцовая тяжесть. Он был их опорой, их «Седым», как его называли мужчины из соседних поселений — человеком, чьё слово было законом. Но здесь, дома, он был просто Константином.

— Иди умойся, — тихо сказала Вера, появляясь рядом словно тень. В её руках уже было чистое полотенце и кружка с отваром из лесных ягод. Она не смотрела ему в глаза, но её ладонь на секунду задержалась на его плече — лёгкое, почти невесомое прикосновение.

— Потом поешь. Всё готово.

Её голос был спокоен, но Константин видел, как дрожат её пальцы. Вера всегда была такой: тихой гаванью в центре шторма. Она не требовала слов утешения, она просто создавала уют из ничего — из старых одеял, из запаха травяного чая, из ровного пламени в печи. Для всех них она была матерью, которой они лишились в день катастрофы.

В большой комнате было тепло. Пахло смолой и едой. Марина уже хлопотала у стола, раскладывая скудный ужин. Юля сидела в углу на лавке, поджав под себя ноги, и штопала какую-то одежду при свете самодельной свечи из жира. При виде Константина она робко улыбнулась.

— Ты вернулся... — прошептала она так тихо, что услышал только он.

Юля была самой юной в лагере. Для Константина она была как младшая сестра, которую нужно защищать от всего мира. Он кивнул ей и почувствовал странное тепло в груди. Это было странное чувство — быть нужным не только как добытчик или воин, но и как человек. Как мужчина, которого любят не за силу, а за то, что он просто есть.

Он сел за стол. Вера тут же поставила перед ним глубокую миску с похлёбкой.

Марина села напротив.

— Мы слышали выстрелы? — спросила она, глядя ему прямо в глаза.

— Нет. Там было тихо. Слишком тихо, — ответил Константин, зачерпывая горячую жидкость. Вкус был пресным, но это была еда.

Марина вздохнула и откинула светлую прядь со лба.

— Я боюсь не выстрелов. Я боюсь тишины после них.

В комнате повисло молчание. Константин поднял взгляд на Веру. Она стояла у печи, отвернувшись к огню, но он видел её профиль: плотно сжатые губы и упрямую складку между бровями. Она боялась не меньше других, но её страх превращался в действие — в чистоту, в еду, в порядок.

А Юля... Юля просто смотрела на него с обожанием ребёнка, который верит, что папа может победить всех чудовищ под кроватью.

Константин отложил ложку. Он больше не хотел есть. Он хотел дать им то единственное, что мог — обещание безопасности.

— Завтра начнём строить частокол, — сказал он твёрдо, так, чтобы слышали все. — Андрей знает место для ворот. Мы успеем до холодов.

Марина кивнула:

— Мы поможем. Будем носить брёвна.

— Нет, — отрезал Константин чуть резче, чем хотел. — Вы будете учиться стрелять и ставить ловушки там, где безопасно. Носить брёвна — наша работа.

Он встал из-за стола и подошёл к Вере. Она вздрогнула от его близости. — Ты устала? — спросил он мягко.

Она лишь молча покачала головой.

В этот момент Константин понял одну простую вещь: их жизнь здесь была тяжёлой, изматывающей борьбой за каждый вдох. Но она была настоящей. В ней были чувства: тихая нежность Веры, забота Марины, почти дочерняя любовь Юли к нему — Константину. И пока эти чувства живы внутри этих стен, они остаются людьми.

А «Седой» пусть остаётся снаружи. Пусть его боятся те твари, что бродят во тьме.

Ночью он долго не мог уснуть. Он лежал на узкой койке в своей комнате и слушал дыхание спящего лагеря: тихий храп Андрея за стеной, шорох мышей где-то под полом, далёкий вой ветра в трубе.

И вдруг он услышал другой звук — тихий плач из соседней комнаты. Он поднялся и тихо подошёл к двери Веры. Она сидела на кровати в темноте, обхватив колени руками.

— Ты чего? — спросил он шёпотом.

Она вздрогнула и подняла на него заплаканные глаза.

— Я просто... я вспомнила запах кофе из той кофейни на Ленина... У них были такие вкусные эклеры... Глупо?

Константин сел рядом с ней на кровать. Он не знал вкуса эклеров и уже забыл запах настоящего кофе. Но он понимал её тоску по тому миру, который они потеряли навсегда.

Он молча обнял её за плечи и прижал к себе. Она уткнулась лицом ему в грудь и затихла. Он гладил её по волосам и чувствовал солёный вкус её слёз на своей коже.

В этом жесте не было страсти или желания. Это была потребность быть рядом с другим живым человеком посреди ледяной пустыни нового мира. Потребность чувствовать тепло другого тела и знать: ты не один.

— Спи, — прошептал он ей на ухо так же тихо, как она говорила ему про отвар днём. — Завтра будет тяжёлый день.

Она кивнула и вскоре уснула у него на плече. А Константин ещё долго сидел в темноте, глядя на тлеющие угли в печи и думая о том, что завтра им всем придётся стать сильнее ради тех минут тишины и тепла, которые им удалось украсть у этой жестокой жизни сегодня.

Утро выдалось серым и промозглым. Низкие облака цеплялись за верхушки елей, обещая скорый дождь. Воздух пах мокрой землёй и хвоей — запах, который Константин раньше ненавидел, а теперь считал признаком жизни. Мёртвый лес не пахнет.

Лагерь уже не спал. Женщины, закутавшись в старые куртки, возились у общего котла, готовя завтрак. Мужчины собирались у склада инструментов. Здесь царила деловая, почти будничная суета, которая была лучшим лекарством от вчерашнего страха.

Андрей, крепкий и немногословный мужик с вечно хмурым лицом, уже разложил на земле верёвки и колышки.

— Я тут прикинул ночью, — буркнул он, не поднимая глаз на подошедшего Константина. — Если валить вон те сосны, — он кивнул в сторону плотной стены леса к северу от лагеря, — то частокол встанет полукругом. Сзади — обрыв к ручью, там и так не пройти.

Константин молча кивнул, осматривая территорию. План был хорош. Андрей был хорошим тактиком, когда дело касалось обороны.

— Добро. Бери топоры, пилы. Пойдут Седой, ты, я и... — он на секунду запнулся, подбирая слово. — И новенький. Проверим его в деле.

«Новеньким» был парень по имени Кирилл. Он прибил к ним пару недель назад — один из тех одиночек, что бродят по лесам, потеряв всё. Худой, с бегающим взглядом, он пока не вызывал полного доверия, но Константин давал шанс каждому. Сегодня будет его первая настоящая проверка.

Работа закипела. Мужчины ушли в лес, и вскоре оттуда донеслись глухие удары топоров и натужный скрип пил. Это была тяжёлая, изматывающая работа. Нужно было не просто свалить дерево, но и очистить ствол от веток, обрубить макушку и дотащить тяжёлые брёвна до лагеря.

Константин работал наравне со всеми. Его руки помнили тяжесть инструмента ещё с той, прошлой жизни. Пот заливал глаза, мышцы гудели от напряжения, но эта физическая усталость была благом. Она вытесняла из головы дурные мысли о вчерашнем пепелище.

К обеду они притащили первое бревно к лагерю. Женщины уже ждали их. Они не просто стояли и смотрели — они помогали. Кто-то тащил верёвки, кто-то расчищал место под будущую стену.

Марина командовала процессом с энергией полководца:

— Сюда кладите! Да не так! Боком надо! Вера, держи тот конец!

Юля носилась между взрослыми с ведром воды, предлагая пить измученным мужчинам.

Кирилл работал старательно, но было видно — он выдыхается быстрее других. — Давай-давай! — прикрикнул на него Андрей. — Не в санатории! Бревно само не пойдёт!

Константин видел это, но промолчал. Пусть парень учится терпеть. В этом мире слабость убивала быстрее пули.

К вечеру они успели установить основу частокола — высокие заострённые колья уже стояли неровным рядом, отбрасывая длинные тени на землю. Это была лишь малая часть работы, но вид этого первого рубежа обороны придавал всем сил.

Вернувшись в лагерь на закате, грязные и уставшие до дрожи в коленях, мужчины попадали кто куда. Константин сел прямо на землю у костра. Вера тут же оказалась рядом с миской горячей каши и кружкой травяного отвара.

— Ешь, — её голос был мягким.

Он поднял на неё глаза. В свете костра её лицо казалось особенно красивым и усталым.

— Спасибо вам... всем вам, — сказал он тихо, так чтобы слышали только она и подошедшая Марина.

Марина лишь устало улыбнулась и села рядом: — Мы одна семья, Костя. Иначе никак.

В этот момент Константин почувствовал то, что давало ему силы жить дальше. Это было не чувство долга или ответственности лидера «Седого». Это было простое человеческое тепло. Ощущение локтя рядом. Знание того, что ты защищаешь не просто горстку выживших, а свой дом.

Он ел горячую кашу и смотрел на своих людей. На Веру с её тихой заботой. На Марину с её нестигаемым характером. На Юлю, которая уже спала прямо тут же у костра, свернувшись калачиком на старом одеяле.

И впервые за долгое время ледяной ком в его груди немного оттаял.

Завтра они продолжают строить стену. И послезавтра тоже. И так до тех пор, пока их дом не станет настоящей крепостью.

На следующее утро, когда мужчины снова ушли валить лес, Константин отправился один. Стройка — дело важное, но пустой котелок не защитит от голода. А он, как никто другой, знал цену хорошей добыче.

Он двигался по лесу бесшумно, словно тень. Не ломал ветки, не шуршал листвой. Его старые, но прочные ботинки ступали мягко, а глаза цеплялись за каждую мелочь. Вот примятый мох — здесь прошел кабан. Вот царапины на коре сосны — медведь метил территорию. А вот и то, что он искал: узкая, едва заметная тропа, утоптанная копытами. Лось.

Константин замер, слившись со стволом огромной ели. Он достал из самодельной набедренной кобуры свой любимый нож. Широкое лезвие, отполированное до зеркального блеска, было его самым надежным инструментом после автомата. Ружье он оставил в лагере. Выстрел в лесу — это как удар в колокол: слышно на километры, и не всегда понятно, кто придет на звук — добыча или смерть.

Он принялся. Влажная земля, хвоя, далекая гарь... И слабый, едва уловимый запах зверя. Теплый, мускусный. Лось был близко.

Тропа вела к ручью. Константин знал это место — там был небольшой галечный пляж, идеальное место для водопоя. Он начал заходить с подветренной стороны, чтобы зверь не учуял его раньше времени. Двигался он медленно, переставляя ноги с пятки на носок, как учила жизнь. Каждый шаг занимал минуту. Время растянулось, превратившись в тягучую смолу.

Он вышел к ручью через полчаса. И увидел его.

Огромный самец стоял по колено в воде, опустив голову к потоку. Его рога, раскидистые и мощные, напоминали корону лесного короля. Он был великолепен. И он был обречен.

Константин не испытывал азарта охотника из старых фильмов. Для него это была работа. Самая важная работа — накормить своих.

Он выбрал позицию за поваленным деревом, поросшим мхом. До лося было метров тридцать — слишком далеко для броска ножа, но достаточно близко для выстрела из самодельного арбалета. Это оружие было сложнее и тише любого ружья.

Он медленно поднял арбалет. Тетива была натянута еще с утра — он не любил скрип металла в решающий момент. Положил на направляющую короткий, тяжелый болт с самодельным стальным наконечником.

Лось поднял голову и замер, прислушиваясь. В лесной тишине Константин слышал бие-ние собственного сердца. Он задержал дыхание.

Тишина. Выстрел.

Тетива щелкнула едва слышно, будто сломалась сухая веточка. Болт вошел зверю точно под лопатку. Лось вздрогнул всем телом, сделал два неуверенных шага и рухнул в воду, подняв тучу брызг.

Константин выждал минуту. Подходить к раненому гиганту сразу — самоубийство. Но вот конвульсии прекратились.

Он подошел к добыче, выдернул болт и вытер его о траву. Работа была сделана чисто.

Разделка туши заняла еще час. Он работал быстро и умело, отделяя лучшие куски мяса от костей и внутренностей. Часть он завернул в чистую холстину, чтобы отнести в лагерь прямо сейчас. Остальное придется забрать позже, сделав вторую ходку — столько ему не унести за раз.

Закинув тяжелую ношу на плечи, Константин двинулся в обратный путь. Лес вокруг снова стал обычным: пели птицы, шелестела листва.

Согласен, возвращение охотника с добычей — это всегда маленький праздник для общины. Это не просто еда, это символ стабильности и безопасности.

Он вышел из леса там, где заканчивалась полоса ловушек — натянутая на уровне колена проволока, привязанная к сухому дереву. Если бы за ним шёл «потерянный» или чужак, тишину леса разорвал бы грохот падающего сушняка. Но лес молчал. Он был чист.

Впереди, за поворотом, уже виднелся частокол. Работа шла полным ходом: слышался стук топоров и приглушённые мужские голоса. Но было и что-то ещё.

Женский смех. Звонкий, чистый смех, который здесь, в этом мире, звучал почти кощунственно.

Константин улыбнулся уголком губ. Он любил этот звук больше любой музыки из прошлого.

Он не стал кричать «свой», как делали другие. Он просто вышел на поляну перед воротами, неся на плечах тяжёлую ношу. Запах свежей крови и мяса был слишком силён, чтобы его можно было спутать с чем-то другим.

Женщины у костра обернулись первыми. Вера, помешивавшая что-то в котле, замерла с ложкой в руке. Марина, чинившая сеть, подняла голову. А потом они увидели его и то, что лежало на его плечах.

На мгновение воцарилась тишина. А затем Юля, забыв про все дела, сорвалась с места и побежала к нему, спотыкаясь о корни. — Костя! Ты... ты убил его?!

Она смотрела на окровавленную холстину огромными, восторженными глазами. Для неё, выросшей на консервах и редких походах за грибами, это было сродни чуду.

— Это лось, — спокойно ответил он, сбрасывая ношу на траву у костра. — Хороший, крупный. Хватит надолго.

Вера уже стояла рядом. Она не задавала вопросов. Её взгляд был серьёзным и оценивающим.

— Нам понадобится соль. Много соли, чтобы сохранить мясо.

— Соль есть, — кивнул Константин. — Немного. Будем коптить и вялить.

Марина подошла и деловито ткнула носком ботинка холстину.

— Отличная работа, Седой. Теперь мужикам будет чем заняться вечерами, кроме как пить твою настойку из коры.

Константин усмехнулся. Настойка из коры и ягод была его «грехом» — единственным напоминанием о прошлой жизни, когда он пытался воссоздать вкус чая.

Весть о добыче разлетелась по лагерю мгновенно. Мужчины бросили работу и потянулись к костру. Даже вечно хмурый Андрей расплылся в довольной ухмылке.

— Вот это я понимаю! Не то что эти щепки для забора! — он хлопнул Константина по плечу своей тяжёлой ладонью. — Ну что, шеф-поваром сегодня будешь? Или пусть Вера колдует?

— Вера справится лучше, — Константин посмотрел на женщину у котла. Та уже деловито закатывала рукава, прикидывая объём работы. — А мы будем таскать воду и рубить дрова.

В этот вечер в лагере царил праздник. Запах жарящегося на огне свежего мяса смешивался с дымом костра и ароматом леса. Это был запах жизни. Настоящей, сытой жизни, а не выживания на грани.

Женщины хлопотали вокруг мяса, мужчины носили воду из ручья для коптильни, которую соорудили ещё весной. Кирилл, тот самый новенький, старался больше всех, таская самые тяжёлые ведра и пытаясь заслужить одобрение старших.

Когда стемнело, все собрались у большого костра. В центре на вертеле медленно вращалась огромная часть туши. Жир капал на угли, вспыхивая яркими искрами.

Юля сидела рядом с Константином, прижавшись к его плечу. Она молчала, но ему не нужны были слова. Её тепло было лучшим ответом.

Вера принесла ему миску с самыми сочными кусками мяса, ещё горячими. — Ешь, — тихо сказала она так же, как утром. — Ты заслужил.

Константин посмотрел на своих людей. На уставшие, но счастливые лица вокруг огня. На частокол, который уже начал обретать форму в темноте.

Здесь пахло дымом и жареным мясом. Здесь пахло домом.

И пока этот огонь горит у них внутри, никакая тьма снаружи им не страшна.

Насытившись, Константин отодвинулся от костра. Тишина, повисшая после ужина, была приятной, сытой. Кирилл, новенький, с непривычки объелся и теперь клевал носом. Андрей подбросил в костёр толстое полено, и сноп искр устремился в чёрное, беззвёздное небо.

— А ведь раньше звёзды были, — вдруг тихо сказала Вера. Она сидела, обхватив колени руками, и смотрела в огонь. — Помнишь, Костя? Мы с тобой за город выезжали... Лежишь на капоте, и Млечный Путь над головой. Как река из света.

Константин кивнул. Он помнил. Но эти воспоминания были похожи на старую фотографию: яркие цвета выцвели, края истрепались.

— Что это было? — робко спросила Юля. Она родилась незадолго до конца или была совсем маленькой, когда всё рухнуло. Для неё «раньше» было сказкой.

— Это был мир без страха, — ответил Константин. Его голос был ровным, лишённым эмоций. Он не любил говорить об этом, но иногда нужно было напоминать себе и другим, ради чего они борются. — Мир, где ночью было темно и тихо. Где можно было включить свет, просто щёлкнув выключателем.

— А потом? — не унималась Юля.

Константин посмотрел на Веру. Она отвела взгляд.

— А потом всё сломалось. Не сразу. Сначала люди стали болеть. Не простудой или гриппом. Чем-то другим. Они теряли сон. Потом — аппетит. А потом... — он замолчал, подбирая слова. — Потом они теряли себя.

— «Потерянные», — глухо произнёс Андрей.

— Говорят, это началось в мегаполисах, — продолжила Вера, словно не слыша его. — Вирус... или что это было... мутировал в городской среде. Он не убивал сразу. Он менял людей изнутри. Сжигал эмпатию, совесть. Оставлял только ярость и голод. Голод не к еде, а к разрушению.

— Города стали ловушками, — добавил Константин. — Миллионы людей в бетонных коробках. Когда «потерянные» начали нападать на здоровых... Это был ад. Настоящий ад на земле. Люди бежали оттуда, разнося заразу дальше. Армия пыталась сдержать их... но их было слишком много.

— А потом свет погас, — закончил Андрей. — Навсегда. Электростанции встали. Связь оборвалась. Мир погрузился в тишину и тьму.

Юля поёжилась, словно от холода, хотя у костра было жарко. — И что... никого не осталось? Совсем?

Константин посмотрел на частокол, чернеющий на фоне ночного леса.

— Остались мы. Крохи. Те, кто успел уйти далеко от городов. Кто умеет выживать. Кто не потерял человечность.

Он замолчал. В этой тишине каждый думал о своём. О потерянном мире и о том, что им предстоит построить на его руинах.

Глава 2. Тропа на юг

«В этом мире нет безопасных дорог. Есть только те, по которым ты готов идти».

Сборы были недолгими. В мире Константина всё, что не касалось выживания, считалось роскошью. Он проверил затвор автомата, поправил нож на поясе и закинул за спину тощий, почти пустой рюкзак.

Андрей уже ждал его у кромки леса, нервно поглядывая на небо. Погода портилась — с запада ползли тяжёлые, свинцовые тучи.

— Может, переждём? — спросил Андрей, но в его голосе не было надежды, только привычка спрашивать.

— Дождь смоем следы, — отрезал Константин, даже не обернувшись. — Это наш шанс. Пошли.

Они двигались бесшумно. Не по тропам, а звериными лазами. Константин шёл первым, читая лес так же легко, как другие читают книги. Он замечал сломанную ветку, примятую траву и по этим знакам восстанавливал картину мира: здесь прошёл лось, здесь — «потерянный», а здесь... здесь кто-то был совсем недавно. Чужак.

К магазину они вышли уже после полудня. Одноэтажное здание с заколоченными окнами выглядело мёртвым, но опыт подсказывал Константину: мёртвые здания часто хранят самые ценные секреты.

— Я первый, — прошептал он Андрею. — Ты прикрываешь окна. Внутри не входи, пока не позову.

Внутри пахло пылью, сыростью и тленом. Пустые полки зияли чёрными провалами. Но в дальнем углу, за перевёрнутым прилавком, Константин увидел то, за чем пришёл. Несколько мешков с мукой и солью. Целое состояние.

Он уже начал складывать добычу в рюкзак, когда снаружи раздался звук. Тихий щелчок. Слишком громкий для лесной птицы.

Константин замер, превратившись в слух.

— Андрей? — позвал он тихонько.

Тишина.

А затем — глухой удар и сдавленный хрип.

Константин рванулся к окну, прижался к стене, осторожно выглянув в щель между досками. У крыльца магазина двое мужчин в грязном камуфляже держали Андрея. Один заломил ему руку за спину, приставив нож к горлу. Второй, высокий и худой, с неприятной ухмылкой на лице, пнул Андрея под колено, заставляя упасть на землю.

— Ну что, сука? — голос худого был высоким и визгливым. — Кто ещё в доме?

Отвечай!

Андрей молчал, только скрипел зубами от боли.

Константин медленно снял автомат с предохранителя. В голове билась одна мысль: «Не стреляй. Их двое на улице, но сколько их ещё? Шум привлечёт всех».

Он бесшумно скользнул к запасному выходу — ржавой двери в подсобку. Выглянул наружу. Сзади магазина никого не было.

Он выскользнул в проулок и прижался к стене здания. Голоса бандитов доносились отчётливо.

— Да брось ты его! — сказал второй бандит, тот, что был покрепче. — Пустая затея. Пошли лучше магазин обнесём по-быстрому.

— Нет! — взвизгнул худой. — Я хочу знать! А потом я хочу... развлечься.

Константин сжал кулаки так, что побелели костяшки. Он видел достаточно. Это были мародёры из мелких шаяк, что рыскали по округе. Не «Чёрный пёс», но от этого не менее опасные.

Он достал из кармана гладкий речной камень. Примерился и швырнул его далеко в сторону леса.

Камень ударился о ствол дерева с громким стуком.

Бандиты мгновенно развернулись на звук, оттолкнув Андрея в сторону.

— Что за...?

Этого мгновения хватило Константину. Он выскочил из-за угла бесшумной тенью и нанёс удар прикладом автомата в висок крепкого бандита. Тот рухнул как подкошенный.

Худой успел обернуться и даже вскинул руку с ножом, но Константин был быстрее. Удар ногой в живот выбил из него воздух и оружие. Бандит упал на колени, хрипя.

Константин шагнул к нему и посмотрел сверху вниз холодным, стальным взглядом своих серых глаз.

— Передай своим друзьям: эта земля занята. Ещё раз увижу — живым не уйдёшь.

Он не стал их убивать. Убивать было слишком легко и слишком шумно для этого места. Он просто вырубил их окончательно и связал их же ремнями.

Андрей поднялся на ноги, потирая шею и с благодарностью глядя на Константина.

— Спасибо... Седой.

— Собирай муку и соль. Быстро. И уходим отсюда к чёртовой матери.

Они уходили через лес быстрым шагом, неся драгоценную добычу. Дождь так и не пошёл, но воздух был пропитан напряжением.

Константин шёл впереди, прокладывая путь домой — к своему лагерю.

Они вернулись в лагерь уже в сумерках. Добычу встретили с радостью, но Константин видел, что Андрей был непривычно молчалив и задумчив. Поход дался ему тяжело, не только физически.

Вечером, когда похлёбка из свежего мяса была съедена, а Кирилл уже спал в своей каморке, Андрей подсел к Константину. Он долго смотрел в огонь, а потом, не отрывая взгляда от пляшущих языков пламени, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.